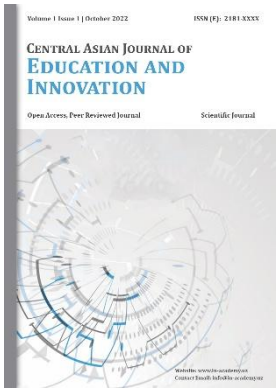

ФЕНОМЕН РУССКОЙ «ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ЖЕНСКОЙ РОМАНИСТИКИ

Султанова Севара Руслановна
Российский университет дружбы народов, аспирант,
г. Москва, Россия,
sevara91_91@list.ru
https://doi.org/10.5281/zenodo.17455705

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 15-oktabr 2025 yil
Ma'qullandi: 20-oktabr 2025 yil
Nashr qilindi: 27-oktabr 2025 yil

KEY WORDS

женская проза, женское письмо, феминистский дискурс, Гузель Яхина, Джейн Остин, Шарлотта Бронте, Вирджиния Вульф, гендерная идентичность, нарратив.

ABSTRACT

В статье рассматривается феномен русской «женской прозы» конца XX – начала XXI века в сравнительно-типологическом контексте английской традиции женской романистики. Анализ проводится в аспекте поэтики «женского письма» (écriture féminine), истоков феминистского дискурса, особенностей повествовательных стратегий и гендерной репрезентации. На основе сравнительного анализа произведений Гузели Яхиной, Людмилы Улицкой и Татьяны Толстой с романами Джейн Остин, Шарлотты Бронте и Вирджинии Вульф выявляются типологические параллели и различия в художественном осмыслении женского опыта, идентичности и культурной миссии писательницы.

Феномен русской «женской прозы» стал одним из значительных культурных явлений постсоветской эпохи. Возрождение интереса к проблеме женского самовыражения, репрезентации женского опыта и языка чувств связано не только с социально-политическими изменениями 1990-х годов, но и с активным влиянием западной, прежде всего английской, традиции женской романистики, сформировавшей богатый корпус художественных и теоретических текстов о женщине как субъекте письма и культуры (Showalter, 1991; Moi, 1985).

Появление в русской литературе таких авторов, как Татьяна Толстая, Людмила Петрушевская, Гузель Яхина, Марина Степнова, свидетельствует о формировании целостной парадигмы «женской прозы», в которой происходит переосмысление мифов о женственности, материнстве, теле и памяти — в диалоге с английской традицией от Джейн Остин до Вирджинии Вульф.

Английская романистка XVIII–XIX веков заложила основы женского нарратива, в котором личное и социальное, внутреннее и внешнее пространство женского мира вступают в сложное взаимодействие. Джейн Остин ввела в литературу интеллектуальный женский субъект, способный к рефлексии и моральному выбору, а

Шарлотта Бронте — образ женщины-творца, отстаивающей право на эмоциональную и духовную автономию.

Вирджиния Вульф в эссе *A Room of One's Own* (1929) впервые поставила вопрос о материальных и символических условиях женского творчества, что в дальнейшем определило развитие концепции *écriture féminine* (Cixous, 1975; Irigaray, 1977; Kristeva, 1980). Таким образом, английская женская проза стала не только художественной, но и философской платформой для формирования феминистского литературного сознания.

Русская литература, традиционно ориентированная на универсальные категории «человека» и «духа», долгое время не выделяла женское письмо как отдельный феномен. Однако постсоветская эпоха принесла кардинальные изменения в структуру культурного сознания. Женские голоса, ранее маргинализированные, заявили о себе как об особом типе повествовательной и семиотической системы (Зверева, 2002; Гаспарян, 2010).

Современные авторы, такие как Людмила Улицкая (*Медея и её дети*), Татьяна Толстая (*Кысь*), Гузель Яхина (*Зулейха открывает глаза*), формируют пространство «мягкого феминизма» — не столько идеологического, сколько гуманистического. Их тексты исследуют бытие женщины в контексте истории, семьи, памяти и национальной идентичности. В отличие от английских предшественниц, русские писательницы выстраивают женскую субъектность через призму коллективной судьбы и травматического опыта XX века.

В романе Гузели Яхиной *Зулейха открывает глаза* женский образ строится на соединении архетипической модели страдающей матери (в традиции русской православной культуры) и модернистской интонации самопознания. Подобно Элизабет Беннет из *Pride and Prejudice*, героиня Яхиной проходит путь от зависимости и покорности к внутренней свободе, но если у Остин этот путь эстетизирован и рационален, то у Яхиной — историософски и мифопоэтически мотивирован.

С другой стороны, интонации Вирджинии Вульф (*Mrs Dalloway*) находят отклик в интимной исповедальности Яхиной, в ее стремлении выразить «женскую внутреннюю речь» (по термину Ю. Кристева), где память и тело становятся основными медиаторами повествования.

Таким образом, русская «женская проза» усваивает и трансформирует английскую традицию: от морально-социальной модели Остин к психоаналитическому и постструктуралистскому самосознанию Вульф.

Женское письмо в современной русской литературе не является исключительно биологическим или гендерным феноменом. Оно выступает как тип художественного мышления, основанный на ассоциативности, фрагментарности, телесной метафорике и мета-рефлексии.

По мнению Н. Зверевой, «женское письмо — это не "о женщинах", а "от женщины"» (Зверева, 2002, с. 18). Яхина и Улицкая воспроизводят именно такую нарративную оптику, где женская субъектность раскрывается не через внешнее действие, а в самом процессе рассказа — в актах памяти, внутреннего монолога, ассоциативного письма. Их повествовательная структура основывается на движении сознания, на переходах между личным и коллективным, реальным и сновидческим, что роднит их с модернистской традицией Вирджинии Вульф.

В этом смысле их тексты продолжают традицию Вульф и Ирригарэй, подчеркивая множественность идентичностей и отказ от линейности повествования. Если у Вульф "женское письмо" становится метафорой потока сознания, стремящегося к освобождению от патриархальных структур языка, то у русских писательниц этот поток приобретает этико-историософское измерение. Он превращается в способ реконструкции женской памяти, связанной с национальной историей и травматическим коллективным опытом (репрессии, война, изгнание).

Таким образом, «женское письмо» в интерпретации русских авторов можно рассматривать как форму культурного самопознания, в которой личное становится эпистемологическим инструментом познания мира. В этом проявляется та глубинная связь между индивидуальной речью и культурным кодом, о которой писала Ю. Кристева, отмечая, что «женское письмо — это всегда письмо о границах, о переходах, о возврате к началу» (Kristeva, 1980, p. 45). В поэтике Яхиной и Улицкой это начало соотносится с архетипом Матери, как хранительницы языка, традиции и жизни, — что придает их текстам метафизическую глубину и универсальное звучание.

Феномен русской «женской прозы» в контексте английской традиции представляет собой сложную систему межкультурных перекличек, в которой происходит не подражание, а творческое переосмысление западных моделей. Русская женская проза продолжает линию английской романистики, но вводит в неё национальные смыслы — историческую память, коллективную травму и мифологию материнства.

Так формируется новый тип женского письма, сочетающий гуманистическую миссию, эстетическую многослойность и философию внутренней свободы..

Список литературы:

1. Cixous H. Le rire de la Méduse. Paris: Seuil, 1975.
2. Irigaray L. Ce sexe qui n'en est pas un. Paris: Minuit, 1977.
3. Kristeva J. Pouvoirs de l'horreur. Paris: Seuil, 1980.
4. Showalter E. A Literature of Their Own: British Women Novelists from Brontë to Lessing. London: Virago, 1991.
5. Moi T. Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory. London: Routledge, 1985.
6. Гаспарян Н. А. Поэтика женского письма в современной русской литературе. СПб., 2010.
7. Зверева Н. В. Женская проза: Опыт типологии. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
8. . Улицкая Л. Медея и её дети. М.: Эксмо, 2006.
9. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2015
10. Woolf V. A Room of One's Own. London: Hogarth Press, 1929.
11. Sultanova, S., & Akhmadzhonov, M. (2023). THE PROBLEM OF THE «LITTLE MAN» IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19 CENTURE. Science and innovation, 2(B2), 52-54.
12. Sultanova, S. R., & Nematov, S. X. (2023). FEATURES OF TURGENEV HEROINES IN THE APPEARANCE OF A MODERN GIRL. FORMATION OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY AS INTERDISCIPLINARY SCIENCES, 2(16), 113-117.
13. Султанова, С. Р. (2023). ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА. Новости образования: исследование в XXI веке, 1(7), 987-992